

Ксения Тихая
(Украина, г. Харьков)

Охотнику

Я помню пару бессердечных скучных строф,
Они просты, но вспоминать их, все же больно,
Они о том, как чей-то старый друг,
Пошел один охотиться на волка.

О том, как волк в стальной капкан попал
И в дикой ярости напал на человека,
Но тот охотник, все ж победу одержал
И из двустволки выстрелил за это...

Читатель здесь наверно будет рад,
Ведь волк – всего лишь зверь и только,
Но попытайтесь вы хотя бы раз,
Взглянуть на мир глазами того волка.

Он жил в лесу свободно и открыто,
И знал он то, что людям не понять,
Со стайей вместе выл он до рассвета
На звездную безропотную гладь.

Он разговаривал с луной о чем-то,
На непонятном, волчьем языке,
И верил в Лес, как люди верят в Бога,
И Духа Леса видел в пелене.

Но вот однажды, осенью холодной,
В лес ворвалось невидимое зло.
Оно пришло неведомо откуда
И меж стволов туманом расползлось.

Животные ушли из этих мест,
Из старых нор, где раньше долго жили,
Но волк хотел увидеть тех существ,
Что под кустом стальные клещи разложили.

И на рассвете он пришел домой,
Хоть понимал, что здесь теперь опасно,
Он веру в Лес, забрал тогда с собой,
А небосвод все мерк и мерк бесстрастно.

Он тихо крался сквозь густой валежник,
И каждый лист его шаги запоминал,
Но вдруг раздался быстрый скрежет,
И металлический ошейник завизжал.

Смешалась с кровью ранняя роса,
Волк взвыл, рванувшись в пустоту,
Но только древняя и мудрая сосна

С холодной грустью вторила ему.
И таят льдинки под лучами солнца,
И что-то жуткое опять заходит в лес,
Так злобно смотрит прямо в сердце волка,
С тяжелой палкою наперевес.

Охотник поднял серую дубину,
А в волке ненависть, словно пожар растёт,
Он в ярости на человека прыгнул,
Клыками злобно куртку его рвет.

Он чувствует, что человеку страшно,
Что он силен, пока закрыт капкан,
Но тот вернулся снова с черным дулом
И серыми патронами в руках.

Волк смотрит злобными глазами,
Но в них, как тень лежит печаль:
«Эта война затеяна не нами –
Ты будешь перед Лесом отвечать!»

И громыхнул над сонным Лесом выстрел...
Ты думаешь, что волка ты убил?
Но дух его, как старая былина,
Живет в лесу, который он любил.

Сейчас сидишь ты где-то в доме,
Наверное, на пятом этаже,
И в комнате всегда тепло и душно,
И та история забытая уже.

Но помни, что однажды темной ночью,
Дух Леса выйдет из густых ветвей,
Ты испугаешься, но будет слишком поздно,
Он волком взвояет и откроет настежь дверь.

Север

Зелёные огни на чёрном небе,
Над белой дымкой ледяных пустынь,
Там море спит в стальном холодном плече
И видит сны чужих немых глубин.
Огни далёких призрачных сияний,
Льют свет во тьму загадочных ночей,
На чистый снег, где проезжали сани,
Где слышен лай собак и свист бичей.
Раскалывались и сходились льдины,
На след полозий много раз ложился снег,
На след, что убежал на дно ложбины,
Откуда больше троп обратно нет.
Погонщик ехал в мрак седой метели,
В глухую, долгую, пустую ночь,

В которой вьюги дико, страшно пели,
И где, уже никто не мог помочь.
Он гнал собак вперёд, гнал без пощады,
Собаки шли сквозь жгучую метель,
Подкашивались и дрожали лапы,
И пар валил из розовых пастей.
И вот, когда уже кончались силы,
Раздался кроважидный жуткий рёв –
Два белых зверя из бурана выходили,
Медведи белые, похожие на львов.
Они со всех сторон атаковали, -
Собак накрыла ярости волна,
Перевернулись под ударом сани,
Поводья рвались, как гитарная струна.
Собаки бешено кидались на медведей,
Под бритвы острых, как ножи, когтей,
И каждый, прямо точно в глотку целил,
А снег кружился, словно перья лебедей.
Но тут, в пылу кровавого сраженья,
Не ощутили лапы тонкий лёд,
Земля ушла во тьму в одно мгновенье,
Во мрак холодных, беспробудных вод.
И растворилось в пелене тумана,
Эхо ломающихся с треском льдин...
В живых осталась лишь одна собака,
Последняя, с упряжки из восьми...
Она могла уйти во тьму из снега,
Но что-то ей шептало лишь одно:
«Не убежать, не бросить человека,
На растерзанье ледяных ветров».
Она одна тянула сани долго,
Через жестокий, северный буран,
В глаза мела ей острая позёмка,
А тело ныло от открытых ран.
Тянула сквозь глубокие заносы,
Хотя хлыстом никто не бил её,
И тут, забрезжил в пелене пороши,
Другой, чужой упряжки огонёк.
И пёс завыл навстречу хлопьям снега,
В пустую, ледяную синеву –
«Вернитесь, не бросайте человека!
Я о себе нисколько не прошу...»
Прошла ли та упряжка сквозь торосы?
Услышала ль? И что было потом?
Всё укрывает колкая пороша,
Непроницаемым, пронзительным ковром.
Зелёные огни на чёрном небе
Льют свет во тьму загадочных ночей,
Где средь бурана на холодном снеге,
Остался след неведомых саней.

Белая стая

В лугах вновь полыхают костры
И пронзительно воют собаки,
Люди снова по снегу пришли
И расставили крэгом палатки.
А лес мрачен, совсем как тогда,
Когда белые волки зимою,
Пронеслись по крутым берегам,
Над холодной замёрзшей рекою.
И вожак был силен и могуч,
Как пурга под порывами ветра,
Средь тяжёлых и сумрачных туч,
Словно луч одинокого света.
Стая шла меж унылых стволов,
Сквозь завесу колючего снега,
Стая диких, голодных волков –
Шла по запаху свежего следа.
Стая шла к человеческим домам,
По пушистым, глубоким сугробам,
К тёплым, крепко закрытым хлевам,
За высоким и прочным забором.
А вожак тихо крался вперёд,
Под тяжёлой, дубовой оградой,
К стаду глупых и сонных коров,
За широкой, замёрзшей левадой.
Волки ринулись разом под сень,
Ночь взорвалась рычаньем и лаем,
Выли псы и срывались с цепей,
И снег дико взметали хвостами...
«Эй, охотники, знаю, - вы там!
Как тогда, всё готовитесь, ждёте,
И всё мстите и мстите волкам,
И на нас свою злобу вы льёте.
Я тогда был волчонком ещё,
Но я помню ту белую стаю!
Как вошла она в ваше жильё,
Вторя дикому, страшному лаю.
А под утро, когда рассвело –
Озарились бесцветным рассветом
Склоны тихих ближайших холмов
У зловещих домов человека.
Помню я, как вдруг лес задрожал
От неведомой, чуждой угрозы,
А рассвет, будто замер и ждал
Ярко-алый, как ранние розы...
Люди дерзко и быстро пришли,
Поломав грубо ветки и сучья,
Крэгом подло развесив флажки,
И достав почерневшие ружья.
Помню я озверевших собак,
Помню волки, вцепились им в глотки,
И как прыгнул отважно вожак

Под нацеленные двустволки.
Словно белые хлопья пурги, -
Наземь падали мёртвые волки,
Под лучами кровавой зари,
На замёрзшие скрытые тропки...
И я помню, совсем как во сне,
Как с небес обрывались снежинки,
В бездыханной немой тишине
На угрюмые, голые ветки.
В лугах вновь полыхают костры,
И пронзительно воют собаки,
Люди снова по снегу пришли
И расставили кругом палатки.
«Эй, вы там, у горящих костров,
Вы не слышали этот упрёк...
Это мы, - это белая стая волков,
Мы идём к вам, - на огонёк...»

Они уехали вчера

Они уехали вчера, без оправданья, без причины,
Покинув сад, они сожгли последние мосты,
Оставив дом ветрам осенним и опечаленной ковыли.
Они уехали вчера, а о собаке все забыли...
Она осталась здесь, скулить у запертых дверей,
И помощи просить у равнодушных листьев,
У тонких струнок одиноких паутин.
И тихо шепчет ночь осенние былины
Да горько слезы льет на побледневшие цветы,
А ветер завывает грустные мотивы.
Они уехали вчера, а о собаке все забыли...

Прыжок сквозь обруч

Вот цирк, и яркая арена,
И смех толпы, и свист кнута,
А тощий тигр рычит и стонет
В кругу горящего кольца.
Конферансье плетет интриги,
А хлыст затих, словно змея,
И приготовился к атаке,
Коварной, как удар ножа.
И пламя тихо сыплет искры,
И в зал заходит темнота,
А черный кнут вдруг оживает
В руках лихого циркача.
И тигр хрипит, и отступает,
И жмурит тусклые глаза,
Он ненависть едва скрывает
В объятьях страшного огня.
А в сердце бьется воли пламя,
Словно прощальная звезда.
Пускай грохочут смех и крики,

Свобода даже здесь жива!

Городские волки

На улицах туманных городов,
 Где все прохожие спешат куда-то,
 Там рыщут стаи городских волков, -
 Были они домашними когда-то.
 Они забыли, как вилять хвостом,
 Мы перестали быть для них друзьями,
 А холод свалок заменил им дом,
 Тот дом, откуда их прогнали.
 Им нравилось лежать у наших ног,
 Они нам верно лапу подавали,
 А в благодарность их прогнали за порог
 И грязными дворнягами назвали.
 Они нам перестали доверять,
 И людям преданны уже не будут,
 На ласку станут лаять и рычать
 И нашего коварства не забудут.
 Но люди равнодушны ко всему,
 Любовь к друзьям давно остыла в жилах,
 И, проходя сквозь городскую мглу,
 Их не узнают в мокрых, жалких псинах.
 И не прочтут в глазах немой вопрос:
 «А помнишь, я же был твоим когда-то?
 Ещё щенком в твоей квартире рос,
 Но не хочу идти к тебе обратно.
 Я шастаю теперь по мрачным свалкам,
 По закоулкам призрачных домов,
 И стал матёрым городским я волком,
 И не вернусь под человечесий кров».
 Но человек, конечно, не заметит,
 Поправит шляпу и домой пойдёт,
 И будет слушать как холодный ветер,
 Пожухлую листву с деревьев рвёт.
 Но всё ж промозглыми седыми вечерами,
 Когда по стёклам барабанит дождь,
 Мы вспоминаем тех, кого изгнали,
 И их следы, что убегаю в ночь.

Осень в зоопарке

В зоопарке за ржавой решеткой,
 Под охраною старых оков,
 Жмутся к прутьям медведи и волки
 И кусают железный засов.
 Львы и тигры дрожат за забором,
 И напрасно ждут в клетках тепла,
 Скоро вьюга ворвется в вольеры,
 Но никто не откроет замка.
 Осень тихую струйкою вьется
 Под потоками плаксы-дождя,
 Только капли как слезы прольются

В золотые кошачьи глаза...

**Тихая Ксения Павловна, школьница, родилась в 2000 году.
Ксении 14 лет. Учится в 8 классе СЭПШ ХГУ «НУА», любит рисовать и
пишет стихи, очень любит животных.**

